

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

УДК 338. 980

ХОЗЯЙСТВО КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

В. Н. Лаженцев

Показаны некоторые теоретические итоги изучения хозяйства и территориально-хозяйственных систем. Их природно-социально-экономическая суть отражена с философско-методологических и географических позиций, которые учтены при определении предмета региональной экономики как научной дисциплины. Ее главный предмет — механизм территориального хозяйствования на базе региональной собственности и регионального хозрасчета. Региональная экономика, социально-экономическая география и другие общественные науки, изучающие хозяйство, могут быть введены в единый исследовательский блок (программу) по изучению таких субъектов территориального хозяйствования, как домохозяйство, соседская община (ТОС), муниципальное образование, район областного ранга, а также неформальных объектов — внутриобластных и крупных экономических районов, производственно-территориальных комплексов и кластеров.

Ключевые слова: хозяйство и его научные характеристики, территориально-хозяйственные системы и их формальные и неформальные виды, механизм хозяйства и территориального хозяйствования, междисциплинарность и научно-исследовательская программа

Введение

Социальная и экономическая деятельность в условиях быстро меняющегося мира требует особого внимания к фундаментальным понятиям общественных наук как отправным точкам выбора стратегического курса развития. Действительно, новизна происходящих ныне природных, производственных, трудовых и финансовых процессов впечатляет. Общественные формы развития и размещения производительных сил вроде те же, что были и в XX в. (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция), но их содержание стало совершенно иным. Теперь решающую роль играет концентрация знаний и инноваций; страны и регионы во все большей мере специализируются не потому, что у них разные природные ресурсы, а в силу исторических накоплений; комбинируются интеллектуальные возможности специалистов, происходит их кооперирование в рамках научно-производственных кластеров; межстрановая и межрегиональная интеграция всё более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности. Огромную роль стали играть людские, денежные и информационные потоки, а также высокая мобильность организационных структур управления, усиление попутного эффекта от одного вида деятельности для ряда других видов и соответ-

ственно взаимообусловленности размещения объектов и субъектов хозяйственной деятельности [25]. Ускоряется процесс формирования многослойного рынка, а потому руководители предприятий и районов (уже без Госплана и Госснаба) должны ежедневно сверяться с окружающей рыночной средой.

Сама экономика стала восприниматься как денежное хозяйство, а прибыль — как цель его функционирования. Действительная же экономика постоянно находится под угрозой социального расслоения населения до степени утраты платежеспособности его преобладающей части. Усиливаются диспропорции в размещении производства и, соответственно, рабочих мест. Меняется уклад жизни, которая все более становится сельско-городской. В России к тому же не преодолена дезинтеграция рыночного пространства; капитал и интеллектуальные ресурсы чрезмерно сконцентрированы в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных мегаполисах в ущерб периферии.

Неудовлетворительно оценивается социально-экологическая обстановка: огромные площади уже заселенных и обжитых мест ныне характеризуются как дискомфортные; происходит опустынивание и заболачивание земель, эрозия почв и грунтов, ухудшается гидрологический режим рек и озер. Высокая территориальная концентрация техники, производства

и самих людей, чрезмерная дифференциация по уровню жизни населения, изнуряющие поездки на работу и обратно, угрожающая здоровью людей плохая экология мегаполисов и поселений с природной и производственной патологией стали опасной средой для жизни населения. Все это характерно для многих стран и для России тоже. Многие проблемы экологии нашей страны сейчас приходится адресовать маломощным в финансовом отношении субъектам хозяйствования, а это зачастую предопределяет тупиковый характер их рассмотрения. Для населения особенно ощутима финансовая слабость регионов и муниципальных образований. Большая их часть не имеет средств на инженерно-геологические, геофизические и медико-биологические обследования проблемных земельных участков селитебной и промышленной местности. Поэтому многие объекты, жилые и производственные комплексы построены и строятся без должного учета метаболизма фаций, урочищ и других физико-географических единиц. Со временем они как бы заново оживают, активизируя тектонику, гидродинамику, эрозию и другие процессы угрожающего характера. Государственные службы контроля реагируют на соответствующие чрезвычайные ситуации, когда они уже случились; постоянный же мониторинг и предотвращение угроз осуществляются крайне слабо.

Надежды людей на эффективную экономику, социальную справедливость и благоприятную экологию в определенной мере связаны с регионализацией, когда ключевая роль в организации жизнедеятельности переходит к человеку и территориальным социумам. Именно в этом процессе вновь возрастает научное и практическое значение понятий «хозяйство» и «территориально-хозяйственные системы».

Хозяйство

Хозяйство, как понятие, широко употребляется в бытовом лексиконе, нередко в науке, и имеет весьма различное толкование. Это объясняется многообразием хозяйственных практик и их аспектов: философских, технологических, экономических, социальных, экологических, информационных, правовых, духовных и др.

Философия хозяйства сформировалась в нашей стране, что во многом отличает российскую научную методологию познания общества от западной. Благодаря трудам С.Н. Булгакова [5], написанным в далекие годы (начало XX в.), и Ю.М. Осипова [23], активно

продвигающего свои идеи начиная с 1990 г., и других отечественных авторов хозяйство правомерно рассматривается как материальный и духовный мир человека и человечества; как сложная природно-социально-экономическая самоорганизующаяся система воспроизводства условий жизни людей. По Булгакову, «... хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. ... Хозяйство есть трудовая деятельность. ... Труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ...» [5, с. 39–43]. По Осипову, хозяйство — «явление культуры, ее часть, это знание и действие, но, в то же время, осознание, осознание человеком самого себя как человека хозяйствующего» [23, с. 6]. «Философия хозяйства — не просто знание о хозяйстве, а воззренческое знание... она связывает хозяйственное знание с общекультурным и общеприродным знанием...» [23, с. 371]. И у Булгакова, и у Осипова хозяйственный аспект жизни возвышается, но не на основе накопления материальных благ, а на основе взаимоувязки всех сторон жизнедеятельности, прежде всего, связанных с природой, природопользованием и формированием благоприятной для жизни социальной среды. Единство взглядов заключается и в том, что в основе хозяйства лежит мировоззрение, которое определяет идеалы, цели и средства их достижения. Это относится прежде всего к науке. Какие идеи и принципы берет исследователь, синтезируя знания и выстраивая новые теории и концепции — от этого зависит результат его научного поиска. Практическое значение мировоззрения более всего проявляется в системе «хозяин — дом» и природно-социально-экономическом содержании данной системы.

С.Н. Булгаков далее идет по пути теологии, но с весьма полезными установками на понимание вселенской сути потребления, производства и всего хозяйственного оборота¹; Ю.М. Осипов — по пути реальной (и релятивистской) философии с упором на организацию природы (материи) и хозяйства на основе

¹ В. Катасонов [9] в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова больше находит положительных суждений (о философском взгляде на мир через призму хозяйства, критике экономического взгляда на мир через призму хозяйства, творчества и культуры, о человечестве как субъекте хозяйства и мире как его объекте и др.), но отмечает и «заблуждения», обусловленные чрезмерной софиологией и ее потусторонним изображением.

равенства их стихийного и организованного, объективного и субъективного начал¹.

Близко к философии хозяйства стоит этнография. Обобщая некоторые этнографические исследования, А. В. Головнёв весьма четко выразил высокий общественный смысл хозяйства в четырех сферах культуры:

«1. Культура первичного производства — производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства в тех пределах, в которых производство ограничено от потребления.

2. Культура жизнеобеспечения — совокупность механизмов и средств, направленных на непосредственное поддержание жизнедеятельности ее носителей; сфера потребления (в том числе жилище и поселение, питание, одежда).

3. Соционормативная культура — мораль, право, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры.

4. Гуманитарная культура — совокупность научных и эмпирических знаний и опыта, а также та область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его формах и проявлениях» [7, с. 18–19]. Перечисленные сферы культуры характеризуют образ жизни конкретных социумов, то есть типы их хозяйств.

Хозяйство объективно становится народным, когда общественное разделение труда охватывает воспроизводство всех духовных и материальных благ. Важно подчеркнуть, что речь идет не только об имущественной наличности, природных и трудовых ресурсах, производстве и потреблении того или иного народа, но и о разных формах ведения хозяйства, и о соответствующем этим формам хозяйственном механизме. Совершенствование форм хозяйствования происходит в рамках мегасистемы природа — общество — человек. В конечном итоге хозяйство становится «общественным воспроизводством».

Организация и экономика хозяйства имеют в своей основе две взаимосвязанные группы общественных отношений: технологические и социально-экономические. Технологические

отношения отражают способ соединения людей не только в производстве, но и во всех других сферах жизнеобеспечения, взаимосвязь которых определяет общий уровень производительности труда. Синхронность инноваций в отдельных видах деятельности является важнейшим условием высокой технологичности народного хозяйства в целом. Технологическим отношениям различного уровня соответствует определенный тип кооперации. Благодаря территориальной концентрации знаний и опыта все более значимой становится кооперация по местоположению, когда соединение элементов природных и общественных производительных сил формирует территориально-хозяйственные комплексы с высоким сопряжением деятельности отдельных хозяйств.

Технологическая структура должна соответствовать требованиям экономного хозяйствования, охраны жизни и здоровья трудящихся, охраны природы, но и сама экономика, особенно в части ценообразования, процента по кредитам и оплаты труда, не должна нарушать естественный ход научно-технического развития, то есть делать примитивную технологию более выгодной, чем прогрессивную. Ее соответствие социальному прогрессу также обязательно: если социальная структура общества разнообразна, то и экономика должна стремиться к разнообразию (государственная и частная экономика; крупный, средний и малый бизнес; вторая экономика, параллельная экономика, смешанная экономика; эксполарная экономика и т. п.) [19].

Хозяйственный механизм — основной предмет экономики и организации хозяйства. Он включает (по принципу концентров): 1) механизм хозяйства — внешний круг; 2) механизм хозяйствования — средний круг; 3) механизм управления хозяйством — внутренний круг. Первое (как трактует философия) — это источники и движущие силы развития: труд и разделение труда, наука, региональные и местные интересы и потребности; второе (экономическая трактовка) — это хозяйственные отношения: по поводу собственности, производства и потребления, форм общественной организации производительных сил, межхозяйственного, межотраслевого и межрегионального взаимодействия; третье (трактовка управления хозяйством) — это различного рода институты: регламенты, стандарты, информационные системы, организационные структуры, законы, нормы и нормативы, инструкции, процедуры, экономические регуляторы. Институциональная составляющая хозяйства, как показали, например,

¹ Центр общественных наук при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова выпускает журнал «Философия хозяйства», в котором хозяйство рассматривается как особая сфера знания о жизни и хозяйственной деятельности человека и человечества. См.: <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/> (дата обращения 07.02.2017).

В.Л. Тамбовцев относительно неформальных отношений [32], В.М. Полтерович — относительно организаций ускорения регионального развития [26] и В.А. Крюков — применительно к недропользованию [11], становится все более значимой во всей системе хозяйствования. Тем не менее, прежде чем оперировать ценами, налогами, тарифами и прочими институциональными нормами, необходимо разобраться в сути общественных процессов, «заключенных» в двух первых «кругах». В этой связи уместно напомнить позицию академика А.М. Румянцева, сформулированную в 1980 г.: «Исследованию проблем управления присущи три аспекта. Во-первых, технологический, когда управление выступает как категория производительных сил. Во-вторых, экономический, где управление предстает как категория производственных отношений. И в-третьих, юридический; тем самым управление становится категорией надстроечной. Все три аспекта не изолированы друг от друга; они тесно связаны между собой, находятся в постоянном взаимодействии» [36, с. 40].

География хозяйства изучает размещение типов хозяйств, каждый из которых имеет свои характерные черты в части природно-ресурсных потенциалов, технологии и энергетики производства, организации труда, социальных укладов, норм и правил экономического поведения. Выбор основания для географической типологии обусловлен целями научного объяснения различий хозяйственных систем от места к месту. Это могут быть формы и этапы развития исторических цивилизаций [37], уровни технологического развития и технико-экономические уклады [6], соотношение экономики, культуры, богатства и власти, социальная ориентация и комфортность жизни [28], модели социально-экономической политики [1], тип хозяйственного механизма [4] и др. География хозяйства в более крупном картографическом масштабе обычно прибегает к типологии по некоторым частным, но не менее важным, основаниям: бытовой уклад социумов, культура природопользования, характер размещения производства и расселения населения, сезонность занятости, безработица, интенсивность ежедневной жизнедеятельности, состояние домохозяйств, социальное самочувствие и т. п.

Типологические характеристики хозяйств нацелены на выявление актуальных проблем гео- и региональной политики. В развитых странах к таким проблемам относятся: трудноразрешимое противоречие между экономической эффективностью и социальной

справедливостью, политически и социально опасная внешняя миграция, преодоление преград равного доступа к социальным благам (независимо от места жительства), устранение чрезмерной безработицы, ориентация хозяйства на экологическую безопасность жизни, соблюдение общественных норм и правил экономического поведения, укрепление единого рыночного пространства, устранение чрезмерной территориальной концентрации производства и населения. Географический аспект политики развивающихся стран зачастую связан с проблематикой административно-территориального устройства с ориентацией либо на унитарное, либо на федеративное государство; здесь особую актуальность приобрели вопросы преодоления угроз экономического сепаратизма, совершенствования межбюджетных отношений и финансовой поддержки национально-культурных автономий. Главная забота правительств слабо развитых стран — устранение или снижение роли в жизни общества территориально-клановых образований, сохранение территориальной целостности государства, поиск точек ускоренного роста, проникновение цивилизации в захолустные места.

Сказанное, как нам представляется, является вполне привычным для понимания особенностей хозяйственного развития в разных странах и районах, что и зафиксировано в обзоре современного состояния социально-экономической географии в России [31]. Но нельзя игнорировать и новые, необычные подходы к географическим аспектам хозяйственной деятельности. Речь идет о попытках объяснить необходимость перехода от экономической к хозяйственной географии. По Левинтову, хозяйственная география есть наука о формировании безграничных миров идей, коммуникаций и действий по поводу регионализации, которые должны «охватить» человека и социумы ради благопристойного устройства их собственного миропорядка [15]. Свою позицию А.Е. Левинтов мотивирует практическими наблюдениями и особенно философскими трудами С.Н. Булгакова, а также многих других ученых, начиная с Аристотеля. Еще один пример пока непривычного: география (по Ишмуратову) изучает комплексы наивысшей полноты — ноогеоценозы, которые образуют наружный «слой» Земли как планеты [8, с. 30]. «Мир идей регионализации» и «ноогеоценозы» укрепляют позиции теоретической географии и как бы заставляют географов и экономистов, изучающих конкретику, думать о возможности их практического применения.

Геоэкология хозяйства занимается взаимосвязкой природных и общественных территориальных систем примерно одинаковой размерности ради сохранения жизненной среды населения и нацеливает на соблюдение сбалансированности внутри отдельных природно-ресурсных циклов (минерально-сырьевого, лесного, водохозяйственного и др.), на формирование природно-хозяйственных комплексов с параметрами, заданными как самой природой, так и общественными потребностями. Если к призыву «встать на путь зеленой экономики» подойти конструктивно, то окажется, что в классической экономической формуле $C+V+M$ первая составляющая (C) должна расти более быстрыми темпами, чем вторая (V) и третья (M), в значительной мере в силу модернизации основных фондов и роста затрат на охрану природы¹. Практика хозяйствования, соответственно, должна исходить из того положения, что земля и иные природные ресурсы представляют собой экономические активы с отражением их в специальных формах учета национального богатства и основных фондов конкретного предприятия.

Все более практический характер приобретает положение о том, что стоимость национального и даже мирового товарооборота в конечном счете определяется совокупностью потребностей людей, включая и потребность в приемлемой для жизни окружающей среде. Стоимость даже единичного товара не собирается из частей (отдельных видов затрат), как кажется на первый взгляд исходя из бухгалтерской калькуляции; она изначально образуется на рынке как целое, которое затем раскладывается на части. Затраты на охрану природы и воспроизводство ее ресурсов желательно рассматривать в качестве «защищенных статей» бюджетов государств, муниципалитетов и предприятий. Учет экологического фактора в общественном воспроизводстве отражает реальную картину нашей жизни. Например, по официальным данным, в 2001–2007 гг. (то есть до кризиса 2008–2010 гг. и последующих финансовых кризисов) ежегодный рост ВВП в России достигал 6–7 %. Но по данным Всемирного банка, при учете истощения природного капитала и загрязнения окружающей среды, изменения в этот период оцениваются с минусом — 10–13 % [29, с. 17].

¹ В России же такой положительной динамики не наблюдается: в 2005 г. доля ВВП ($v+m$) в выпуске продукции составила 58,4 %, в 2015 г. — 62,4 %.

Решение проблем рационального природопользования и охраны окружающей среды в значительной мере связано с преодолением экономического детерминизма. При этом надо принимать, как должное, разнообразие миропорядка, где экономические показатели не всегда играют решающую роль. С другой стороны, надо усилить экономику как дисциплину по оценке общественно необходимых затрат, включая и денежный эквивалент природных рисков [27].

Пространственная экономика изучает пространство определенных видов социальной, экономической, экологической и других видов деятельности и их совокупностей, в границах которого данная деятельность осуществляется наиболее оптимально в соответствии со своими внутренними закономерностями. Свойства и качество пространства конкретизируются относительно определенного вида деятельности целенаправленным измерением расстояний, организацией взаимодействия центра и периферии, оформлением конфигурации хозяйственных систем и др. Экономическая наука оперирует такими понятиями, как «единое экономическое пространство», «приватизированное пространство», «пространственное поведение», «экономическая плотность», «интеграция и дезинтеграция пространства» и т. п. Главный предмет пространственной экономики — социально-экономическая интеграция, то есть управляемая кооперация административно-политических и хозяйствующих субъектов.

Региональная экономика использует весь арсенал перечисленных аспектов хозяйства и механизмов его развития с учетом специфики местных природных и социально-политических условий. Региональные хозяйственные системы имеют «идеальный» стандарт (дифференцированный по континентам и странам), выраженный в оптимальных размерах территории, численности населения и/или трудовых ресурсов, объемах производства и потребления. Сравнение реальных региональных систем с их стандартом требует научного объяснения причин отклонения от стандарта. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что использование всех атрибутов хозяйства применительно к идеальным (стандартным) и реальным хозяйственным системам не определяет специфику региональной экономики как науки. Автор полагает, что такая специфика заключается в предметной сущности региональной экономики — в *организации территориального хозяйствования, то есть деятельно-*

сти по поводу формирования и рационального использования муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации. Проблематика региональной собственности и на ее основе — регионального хозрасчета — отражена применительно к России в книгах В.Н. Лаженцева и Т.Е. Дмитриевой [13] и И.И. Сигова [30]; из зарубежных авторов более близок нашим взглядам на общественный характер региональной собственности и регионального хозрасчета Уолтер Дж. Хигл, который полагает, что консолидация людей на основе общих выгод от природопользования и справедливого их распределения (он приводит пример Аляски) может разрешить многие социальные и геополитические конфликты [35].

К региональной экономике нельзя относить все то, что есть и что происходит в конкретном регионе, даже разработку и реализацию стратегий его развития. Последнее, скорее, относится к методологии и организации проектной деятельности с опорой на ряд научных дисциплин. К сожалению, специфика региональной экономики зачастую не принимается во внимание.

Территориально-хозяйственные системы — хозяйствующие субъекты

Территориально-хозяйственные системы (ТХС) мы определяем как совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединенных общими интересами местоположения и совместной деятельностью по созданию благоприятных условий для реализации данных интересов. ТХС автор представляет следующим образом [12]:

- 1) место — дом — домохозяйство — домовладение — семья;
- 2) местность — община — поселение — предприятие — сход (ТОС);
- 3) физико-географический округ — территориальная общность людей — куст поселений — хозяйственный узел — муниципалитет;
- 4) физико-географическая провинция — население — район расселения — территориально-хозяйственный комплекс — региональное правительство.

Домохозяйство (по статистическому определению) — совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства; домохозяйство может состоять из одного человека,

живущего самостоятельно. Бюджетные обследования домохозяйств в России оставили значительный исторический след в экономической науке и практике. Если, используя опыт предшественников, поставить цель проводить бюджетные исследования домашних хозяйств более детально и более содержательно, чем это делается в настоящее время, то следовало бы воспользоваться прежде всего трудами и методиками А.В. Чаянова. Из зарубежного опыта он воспринял связь домохозяйств с окружающей природной и социальной средой. Читаем: «... французский горный инженер Фредерик Ле Пле опубликовал обширное обследование „Рабочее население Европы...“, в котором дал 36 подробнейших монографий рабочих семей... Прежде всего он стремился установить характеристику того района, в котором живет семья, условия труда, религиозный и бытовой уклад семейной жизни, ее санитарное состояние и, наконец, то социальное положение, которое семья занимает в округе» [34, с. 36]. Эту методологическую установку в дополнение к своим многочисленным показателям А.В. Чаянов ввел в статистику домашних хозяйств и представил их как территориальные образования.

Но есть пример более раннего наставления о том, как фиксировать домашние хозяйства и местную специфику жизни — произведение М.В. Ломоносова [18, с. 305–306]. Ломоносов доказывал, что хозяйство тесно связано с трудовыми навыками народов и одновременно с природными условиями, что совместное действие общественного и природного в разных местах происходит по-разному. Напомню также, что исследованию А.В. Чаянова предшествовал труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» [17], в котором, с одной стороны, широко использована земская статистика с применением оригинальных группировок домашних хозяйств, с другой — показана объективная необходимость порайонного анализа процессов общественного разделения труда и формирования внутреннего российского рынка. В.И. Ленин показал, что углубление статистических методов анализа массовых социально-экономических процессов и явлений на местах есть правильный путь выявления устойчивых тенденций в развитии капиталистических отношений в России в целом. Именно порайонный анализ хозяйств позволил доказать достаточность российского хозяйственного оборота для реализации внутри страны получаемой добавленной стоимости с учетом международной торговли, но без преувеличения ее роли.

Текущий момент в развитии домохозяйств России характеризуется тем, что они располагают ресурсами (как в городской, так и в сельской местности) в 2,6 раза меньше объема денежных средств, необходимых для того, «чтобы жить хорошо» (по оценке самих домохозяйств). Устранение столь существенного разрыва между «существующим» и «необходимым» — важнейшая задача социально-экономического развития России. Необходимо также учесть устойчивую тенденцию к приобретению земельных участков в частную собственность, к автономному энергообеспечению домохозяйств на новой технической основе и некоторые другие положительные нововведения.

Территориальная община — группа людей, проживающих в пределах населенного пункта (села, деревни, микрорайона, поселка или города) и связанных общими хозяйственными, политическими, духовными интересами. Важнейшая характеристика общины — наличие у каждого из ее членов сознания своей принадлежности к определенному, отличному от других, территориальному коллективу. Люди объединяются для защиты своих интересов, выработки норм социального и экономического поведения в большей мере на основе бытового права, в меньшей — права, установленного властью. Пример общины в современной России — структуры территориального общественного самоуправления (ТОС). Основные виды деятельности ТОС: планировка и благоустройство территории, ландшафтная архитектура, охрана окружающей среды, в том числе утилизация мусора, субботники, культурные и спортивные мероприятия, защита прав членов общины, рассмотрение спорных вопросов, в ряде мест (там, где возможно и целесообразно) — создание своих управляющих и обслуживающих компаний в сфере ЖКХ, договорные отношения с муниципалитетом и предприятиями по поводу выше перечисленного. ТОС — трудно реализуемый институт самоорганизации населения, особенно в городах, из-за отсутствия условий для общественной работы и утраты привычки общения по месту жительства. Чтобы преодолеть указанные трудности, ТОС, во-первых, должны быть юридическими лицами, во-вторых, обладать собственностью, в-третьих, в минимальных размерах осуществлять хозяйственную деятельность, строго соответствующую своему предназначению территориального развития.

Муниципальное образование — самоуправляемая административно-территориальная единица, одна из исторически сложившихся

форм территориальной организации жизни людей и местного хозяйства. Обычно рассматривается с двух сторон: как орган местного самоуправления (власть) и как то, что подлежит управлению — поселение, район, округ. Муниципальная экономика нацелена не на прибыль, а на рост ресурсов коллективного пользования и предоставление качественных социальных услуг; она играет также роль амортизатора роста цен и тарифов на социально значимые товары и услуги. Она не может быть полностью погружена в рыночные отношения. Муниципальный сектор хозяйственной деятельности на современном этапе представляет собой полу-экономику и полухозяйство [2]. Муниципалитет (как хозяйствующий субъект) вступает в экономические отношения с другими субъектами: домашними хозяйствами, общинами, предприятиями, органами государственной власти.

Значительные резервы роста муниципальной собственности заключены в рациональном распределении земельного и лесного фондов и в смещении общественных финансовых ресурсов в сторону местной экономики. В составе муниципальных земель сельскохозяйственного назначения и тех, которые можно вернуть в сельскохозяйственное пользование, желательно выделить площади для закрепления за животноводческими комплексами с целью создания собственной кормовой базы и производства картофеля и овощей на органических удобрениях (на условиях «льготной» аренды или долгосрочного пользования с минимальным налогообложением). Забота муниципалитетов — механизация фермерских, личных подсобных и дачных хозяйств, в том числе за счет размещения «мини»-машиностроительных станций коллективного пользования; создание семенного фонда для выращивания картофеля, овощей, кормовых трав с учетом климатических и почвенных условий территорий; строительство в сельской местности унитарных предприятий, совмещающих в своей технологической структуре хранение и переработку картофеля, овощей, грибов и ягод. Актуальной стала проблема взаимодействия городских и сельских муниципальных образований. Их отношения складываются по принципу: город — это инфраструктура относительно тяготеющих к нему сел и деревень, а последние есть инфраструктура города. Эта объективная картина организации жизнедеятельности территориальных общностей людей предопределяет предметную сущность современного социально-экономического пространства [22].

Областной (краевой, республиканский) район — административно-территориальная единица страны, обладающая конституционным правом распоряжаться ресурсами, достаточными для выполнения своих государственных функций и оказания почти полного набора социальных услуг населению. Областной район (в существующей в России трактовке — регион, субъект Федерации) одним лицом смотрит в сторону национальной и мировой экономики, другим — внутрь самого себя. На практике это означает разделение деятельности региональных правительств на два «фронта»: 1) работа с центральным (федеральным) правительством в рамках межбюджетных отношений и целевых программ, с национальными и транснациональными корпорациями ради размещения на своих территориях крупных объектов промышленности и транспорта, а также ради выравнивания уровней социального обеспечения населения; 2) исполнение своих полномочий относительно регулирования внутрирегионального социально-экономического развития.

Основная миссия областного района — создание условий для развивающегося населения. Именно эта сфера государственного управления имеет весьма существенные недостатки, особенно в части низкого качества пространства жизнедеятельности. Не следует искать причину этих недостатков в «дробности» районов областного ранга. Их сложившиеся границы и транспортная сеть, связывающая областные центры, определяют административно-управленческий и социально-экономический каркас нашей страны на относительно длительное время. Какие бы ни «перекраивалась» карта нашей страны, район областного ранга должен быть сохранен в любом статусе, но предпочтительно в статусе субъекта Федерации.

Неформальные экономические районы

От областных районов экономическое районирование получает «разверстку» вниз и вверх как бы поверх административных границ; практически такое необходимо для управления либо региональной, либо национальной экономикой. От того, как организовано пространственное взаимодействие областных районов и муниципальных образований, зависит и эффективность исполнения функций федеральных, региональных и местных органов власти.

Внутриобластные районы — единицы территориального планирования и районного про-

ектирования, выделение которых обусловлено необходимостью «привязки к месту» стратегических задач социально-экономического развития области, края или республики. Смежные районные (окружные) муниципальные образования объединяются в территориальные группы, с тем чтобы правильно спрогнозировать развитие линейной инфраструктуры и объектов социального обслуживания населения исходя из внутренней логики их размещения. Е.Е. Лейзерович выделил в России 423 внутриобластных района и дал им типологическую характеристику [16].

Крупный экономический район — опорное образование в территориальной структуре народного хозяйства страны, плацдарм реализации государственной политики в области размещения производительных сил и реализации капиталоемких национальных проектов. Это единица не региональной, а национальной экономики, ныне ошибочно подмененная федеральными округами. Для России необходимо новое генеральное экономическое районирование, совмещенное с новыми федеральными округами. Оно необходимо в первую очередь как способ территориальной организации производительных сил с учетом неравномерности пространственного развития нашей страны, угроз появления больших «мертвых зон», глобальности природных процессов, крупномасштабного освоения минерально-сырьевых и биологических ресурсов, районообразующей роли энергетики, транспорта и гидротехнических сооружений, выделения территорий опережающего развития (все это, по сути, составление нового плана ГОЭЛРО с выделением ряда ключевых территориальных научно-производственных комплексов как единиц программно-целевого планирования).

Производственно-территориальные комплексы — «организованный в определенных технических формах общественный человеческий труд с энергетическим и машинным его вооружением, приложенный к определенному сочетанию природных ресурсов...» [10, с. 140]; «районные комплексы следует рассматривать и изучать как единство многообразия, как явления, развивающиеся по всем общественно-историческим законам» [там же, с. 162]. Эти определения Н.Н. Колосовского, классика учения о производственно-территориальных комплексах, редко цитируются, хотя именно они нацеливают на понимание диалектики производственного комплексирования. Заметим, что его общественный характер фиксировался в виде преимущества со-

циализма над капитализмом. При разработке Плана ГОЭЛРО и на последующих этапах экономического районирования производственно-территориальный комплекс представлялся в виде материально-технической базы крупных экономических районов России; затем он был переименован в ТПК — способ реализации крупных инвестиционных проектов с использованием целевых программ (программно-целевые ТПК [3]). Программно-целевой ТПК сначала представляется в виде схем и проектов. Составление их — сложная работа, а потому сама «работа» стала предметом исследований и потребовала разработки определенной методологии. Именно методология и соответствующее моделирование в конечном итоге и получили общее признание в качестве важнейшего результата экономической географии и региональной экономики под названием «ТПК-подход» (по аналогии с системным подходом). Зачастую анализируются не сами комплексы и системы, а искусственно сформированные абстрактные представления о них, в рамках которых решаются задачи по оптимизации структуры производства конкретного региона [20]. «ТПК-подход» позволяет понять порядок распределения общих природных и трудовых ресурсов в границах конкретных территориально-хозяйственных систем (промышленных узлов, муниципальных образований, областных и крупных районов).

ТПК в современных условиях можно представить в качестве своего рода *квазикорпорации*, действующей на договорных началах с участием делегированных представителей юридически самостоятельных предприятий, региональной и местной власти. Но при определенных формах организации управления производством квазикорпорация может быть преобразована в настоящую корпорацию. Прежде всего, обратим внимание на перспективы организации *производственно-территориальных холдингов*, состоящих из материнской и дочерних компаний, ведущих хозяйственную деятельность на базе территориальных сочетаний природных ресурсов. Далее, отметим, что в системе территориального развития важную роль играют отношения, которые в последние годы стали обозначаться понятием «кластер» (перенесено из западной литературы со ссылкой на М. Портера и других авторов). Приведем два определения: «Кластер — это скопление постоянно контактирующих друг с другом независимых фирм, работающих в одной отрасли или подотрасли, и группа компаний, оказывающих основным фирмам сервисные

услуги. В состав кластера также часто входят государственные и образовательные и/или исследовательские организации, имеется контролирующий развитие кластера орган» [24, с. 153]. «Кластерный подход позволяет «связать» центр и его окружение за счет более тесного межфирменного взаимодействия; создания общих рынков труда, технологий, знаний и повышения доступа предприятий к использованию общих ресурсов; сокращения общих издержек и формирования синергетического эффекта взаимодействий» [33, с. 29].

Определения сами по себе не вызывают возражений, наоборот, они весьма квалифицированно сформулированы и для теории весьма полезны. Однако трудно понять меру приращения знаний относительно уже давно существующих представлений о территориальных формах организации хозяйства. Следовало бы принять во внимание, что терминология иногда специально меняется ради фиксации мнимой новизны результатов науки. В отечественной научной литературе под влиянием такого рода новаторства как бы вынужденно кластеры стали отличать от территориально-производственных комплексов по признаку движущих сил их формирования (кластер — продукт рынка; ТПК — продукт плана и административных решений), а также по признаку целевых установок. Многие полагают, что кластер способствует повышению групповой конкурентоспособности на основе использования новых знаний и инноваций, и это более четко проявляется в условиях территориальной компактности взаимодействующих предприятий; ТПК — форма реализации крупных народнохозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения или в староосвоенных, подлежащих коренной реконструкции. Нам представляется такое разграничение неубедительным. Кластеризацию целесообразно рассматривать не как обычное территориальное взаимодействие предприятий и организаций, а как метод организации решения новых задач в области научно-технического и социального прогресса. В таком виде она (кластеризация) может и должна проводиться в разных организационных формах и на разных территориальных площадках или вообще — экстерриториально. Кластеризации подлежат не сами предприятия и организации, а их отдельные функции. Поэтому содержание кластера следует определять сутью предстоящего совместного дела, выполняемого на основе специального плана координации и с высоким уровнем организованности.

Научно-исследовательская программа формирования и развития территориально-хозяйственных систем

Научное объяснение хозяйства и территориально-хозяйственных систем (ТХС) может быть дано как на дисциплинарном, так и на междисциплинарном уровне. Второе становится обязательным, когда ключевые понятия, теории и методы отдельных наук образуют исследовательскую программу.

Научно-исследовательская программа является одной из основных единиц научного знания; она представляет совокупность и последовательность теорий, связанных общностью основополагающих идей и принципов. Одним из первых в качестве объекта изучения выбрал не отдельную научную теорию, а их последовательность, оформленную в программу, был Имре Лакатос, английский философ венгерского происхождения. Он писал: «Согласно моей методологической концепции, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем; при этом научные революции состоят в том, что одна исследовательская программа (прогрессивно) вытесняет другую. Эта методологическая концепция предлагает новый способ рациональной реконструкции науки...В соответствии с моей концепцией фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а «исследовательская программа» [14, с. 274–275]. Отсюда правомерным станет заключение, что внутренние структурные элементы программы (аксиомы, гипотезы, теории), как правило, формируются на междисциплинарной основе хотя бы потому, что возможность опровержения программ (а это важнейшее условие диалектики научного знания) порой затруднено в рамках одной науки, но вполне осуществимо со стороны других наук. Примером тому служит монография П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко, в которой труды И. Лакатоса осознанно использовались применительно к пространственной экономике именно как к научно-исследовательской программе [21].

Если следовать И. Лакатосу, но уже с учетом опыта, изложенного в указанной монографии, то можно понять, что то или иное учение, излагающее последовательность теорий изучения конкретных или абстрактных систем под углом зрения решения научных и/или практических проблем, в определенной мере является программой. Действительно, не только

П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко, но и многие другие авторы теоретических трудов (может быть неосознанно) излагают свои мысли в программном ключе (что и как надо делать в соответствии со сменой значения определенных теорий). Следует ли самому автору (или авторам) заниматься практической реализацией своих исследовательских программ — это самостоятельный выбор каждого. Но доказать целесообразность замены ранее используемых «старых» программ своей «новой» программой с указанием на потребности (вызовы) практики — необходимо.

«Жизнь» исследовательской программы связана с решением конкретной проблемы, которая (как и сама программа) зарождается, то есть фиксируется, проходит определенные стадии своего решения и завершается получением новых знаний об идеальных и реальных образах изучаемых систем. Работа в рамках «проблема — программа» для российских географов, экономистов, философов — методологов науки вроде бы привычна и ее технология более-менее понятна. Поэтому методологическая роль исследовательской программы, как единицы научного знания, по-видимому, будет возрастать.

Социально-экономическая география и региональная экономика играют ключевую роль в формировании и реализации научно-исследовательских программ по формированию и развитию ТХС. К числу преимущественно географических теорий автором отнесены [12]: функция места (конкретная часть географического пространства несет (или может нести) определенную хозяйственную функцию), линейно-узловые структуры (представление об идеальных формах размещения населения и производства), центр — периферия (поиск путей преодоления негативного синдрома периферийности), районообразование (выявление закономерностей объективных процессов локализации производительных сил и их субъективный учет в территориальном планировании); геосистемный подход (сопряженное ранжирование природных и общественных геосистем).

Среди теорий региональной экономики мы выделили те, которые генетически связаны с общественной географией: *смешанная экономика* (доказательство необходимости развития различных типов экономик (рыночных, плановых, эксполлярных...) и их «симбиозов», например, местной экономики; *теория региональной собственности* (утверждение, что территориальные хозяйственные сообщества функционируют как распорядительные центры на базе

коллективных форм собственности); *региональный хозрасчет* (теория территориального хозяйствования на основе рационального использования и воспроизводства региональной собственности); *теория регионального воспроизводства* (оптимизация использования финансово-экономических ресурсов на обеспечение устойчивого развития природно-хозяйственных систем с учетом их экологических и социально-культурных характеристик).

Указанные теории социально-экономической географии и региональной экономики в совокупности представляют единый и неделимый исследовательский блок, без которого невозможно управлять процессами формирования и развития ТХС.

Заключение

Уроки пройденного в тематике «хозяйство и территориально-хозяйственные системы» заключаются, прежде всего, в том, что само понятие «хозяйство» не сводится ни к производству, ни к средствам труда, ни к экономике или отдельным видам экономической деятельности; кроме перечисленного оно содержит нечто большее: человека-хозяина, его мировоззрение, социальную организацию частного и общественного труда и быта, широкий спектр типов хозяйств, хозяйственных отношений и институтов. Хозяйство насыщается природой не только как потребитель ресурсов, но и как создатель окружающей человека среды, включая красоту ее естественных и искусственных ландшафтов. Переход от хозяйства к его территориальной структуре должен начинаться именно с организации природы в виде геосистем — от фаций и урочищ до физико-географических областей — включения их в хозяйства, соответственно, семьи, соседской общины, муниципального образования, области (края, республики). Соразмерность природных и общественных геосистем характерна и для неформальных территориальных структур — внутриобластных и крупных экономических районов, производственных и социальных территориальных комплексов. Когда речь идет о хозяйственном обороте в целом как общественном воспроизводстве, то необходимо иметь в виду и воспроизводство природного потенциала геосистем.

Все более понятной становится потребность в организации рационального территориального хозяйствования. Со стороны социально-экономической географии оно рассматривается как процесс формирования и совершенствования территориально-хозяйственных систем, со стороны региональной экономики — как создание хозяйственного механизма устойчивого функционирования данных систем, со стороны философии и социологии — как мировоззрение и жизнедеятельность территориальных общностей людей. Автор полагает, что в науку и практику территориального хозяйствования целесообразно вернуть понятие «региональный хозрасчет», но не в толковании всеохватывающего регионального счетоводства, а в смысле расчетливого ведения общинного, муниципального, окружного, областного видов хозяйств на базе соответствующей территориально-коллективной (региональной) собственности.

Хозяйство — объект ряда общественных наук, а потому кажется, что его с самого начала необходимо рассматривать с позиции междисциплинарного подхода. Однако, нам представляется, что междисциплинарность возникает не сразу, а в ходе осознания необходимости синтеза ключевых понятий и методов различных (как правило, смежных) наук в единой научно-исследовательской программе. Сначала надо иметь развитые научные дисциплины, а затем междисциплинарные программы и проекты. Рассмотрение П.А. Минакиром и А.Н. Демьяненко пространственных аспектов организации общества и его экономики с позиции учения Имре Лакатоса о научно-исследовательской программе в качестве единицы познания может существенно способствовать правильному применению междисциплинарности в исследовательской работе. Программа, по Лакатосу, — не только синтез аксиоматики, гипотез и теорий, но и переход в новое проблемное поле науки, отражение качественных сдвигов не только в познании, но и в познаваемой действительности. Как применить сказанное к территориально-хозяйственным системам в условиях многоукладности самого хозяйства и рыночных отношений — это уже задание на предстоящее...

Список источников

1. Аганбегян А. Г. Почему мы не идем в ногу с передовыми странами? // Экономическая политика. — 2011. — № 5. — С. 9–20.
2. Анимица Е. Г. Муниципальное хозяйство и муниципальная экономика: сущностно-содержательные характеристики // Пространственная организация общества: сб. науч. трудов. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2007. — С. 15–36.
3. Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. — Новосибирск: Наука, 1980. — 256 с.

4. Безверхая О. Н., Потапова Е. В. Развитие теории хозяйственного механизма и особенности его реализации в отдельных моделях экономики // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3. — С. 220–233.
5. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990. — 412 с. (социологическое исследование; впервые издано в 1912 году).
6. Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. — М.: Наука, 1992. — 208 с.
7. Головин А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. — Екатеринбург: УрО РАН, 1995. — 607 с.
8. Ишимуратов Б. М. География — кризис идентичности // Географические исследования Сибири: в 5 т. — Т. 5. Общественная география / Ин-т географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. — Новосибирск: Гео, 2007. — 374 с.
9. Катасонов В. «Философия хозяйства». К 100-летию выхода в свет работы о. Сергия Булгакова [Электронный ресурс]. URL: // http://ruskline.ru/analitika/2012/08/02/filosofiya_hozyaistva/ (дата обращения 20.01.2017).
10. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. — М.: Госполитиздат, 1958. — 200 с.
11. Крюков В. А. Эволюция правил и процедур, определяющих подходы к освоению минерально-сырьевых ресурсов // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3. — С. 106–117.
12. Лаженцев В. Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития / отв. ред. А. И. Татаркин. — Екатеринбург; Сыктывкар: ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2014. — 236 с.
13. Лаженцев В. Н., Дмитриева Т. Е. География и практика территориального хозяйствования. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — 137 с.
14. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / Методология исследовательских программ. — М.: «Аст»; «Ермак», 2003. — С. 274–275 [Электронный ресурс]. URL: <http://vikent.ru/enc/1929/> (дата обращения: 09.11.2016 г.).
15. Левинтов А. Е. От района к региону; на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. — 1991. — № 3. — С. 45–52.
16. Лейзерович Е. Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004. — 128 с.
17. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 3. — 792 с.
18. Ломоносов М. В. Мнение об употреблении нынешних ревизии в пользу географии российской и сочиняющегося нового атласа // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 9. — М.; Л, 1955. — С. 305–306.
19. Макаров В. Л. Социальный кластеризм: Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — 272 с.
20. Малов В. Ю. Локальные территориальные системы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. — 149 с.
21. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В. М. Полтерович. — Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. — 272 с.
22. Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / кол. авт. — Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2016. — 241 с.
23. Осипов Ю. М. Опыт философии хозяйства. — М.: Изд. МГУ, 1990. — 382 с.
24. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. — Смоленск: Ойкумена, 2005. — 496 с.
25. Пилясов А. Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. — 2011. — № 1. — С. 4–31.
26. Полтерович В. М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. — 2011. — № 4 (55). — С. 17–29.
27. Порфирьев Б. Н. Природные риски в условиях современного экономического роста: теория и практика государственного и негосударственного управления // Российский экономический журнал. — 2006. — № 1. — С. 37–48.
28. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: Культура, богатство и власть в XXI веке: пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — 432 с.
29. Сдасюк Г. В., Тишков А. А. «Рио + 20»: концепция устойчивого развития «зеленой экономики» и проблемы ее реализации в России // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. — С. 11–37.
30. Сигов И. И. Региональная собственность. — СПб.: ИПРЭ РАН, 2001. — 44 с.
31. Социально-экономическая география в России / под общ. ред. П. Я. Бакланова и В. Е. Шувалова; Русское географическое общество. — Владивосток: Дальнаука, 2016. — 326 с.
32. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория неформальных институтов. — М.: РФ-Прогресс, 2014. — 174 с.
33. Татаркин А. И., Лаврикова Ю. Г. Программно-проектная модернизация федеративного устройства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 6. — С. 17–33.
34. Чайнов А. В. Избранные труды / редкол. серии: В. Е. Адамов и др. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 432 с. (Статистическое исследование).
35. Хилл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможности для России : пер. с англ. — М.: Изд. Дом «Прогресс», 2004. — 360 с.
36. Хозяйственный механизм на современном этапе / [П. Г. Бунич, Л. И. Абалкин, Г. Б. Правоторов и др.]; под ред. П. Г. Бунича. — М.: Экономика, 1980. — 232 с.
37. Яковец Ю. В. История цивилизаций: учеб. пособие. — М.: ВлаДар, 1995. — 461 с.